

ВЯЧЕСЛАВ ШТЫРОВ

член Совета Федерации

ОТ ПРОГРАММЫ УПАДКА — К ПРОГРАММЕ РАЗВИТИЯ

“Сырьевая экспортно ориентированная структура экономики России исчерпала себя”. Это утверждение стало общим местом в выступлениях политиков и публицистов, учёных и предпринимателей, да и просто в размышлениях граждан — достаточно посмотреть газеты и интернет. Так думают и говорят люди самых разных, порой диаметрально противоположных политических убеждений и экономических воззрений. Тогда возникает вопрос: разве четверть века назад мы изначально собирались строить именно такую рыночную экономику, а она вот почему-то себя исчерпала? Ответ будет отрицательный: нет, не собирались. Ведь об этом не было сказано ни в одном из посланий всех трёх сменявших друг друга президентов России, не стояло это в программах ни одной партии, хоть оппозиционных, хоть правящих. Таких устремлений не провозглашалось ни в одной концепции или стратегии развития страны, которые принимались правительством. Наоборот, хотели построить экономику эффективную, многоотраслевую, находящуюся на передовых рубежах научно-технического прогресса, занимающую достойное место в мире. Тогда почему же всё выходит по-иному?

В тисках ложных рецептов

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что капитализм как общественно-экономическая формация, имеющая строго определённые универсальные черты, является сугубо научной абстракцией и живёт только

ШТЫРОВ Вячеслав Анатольевич — член Совета Федерации, президент Республики Саха (Якутия) в 2002–2010 годах, до того — глава крупнейшей в мире алмазной компании “АЛРОСА”. В журнале “Наш современник” публикуется не впервые.

в головах и трудах политэкономов. В реальной жизни он имеет разные формы, которые складываются исторически под влиянием экономико-географических, природно-климатических, политических, ментальных и иных обстоятельств, характерных для той или иной группы стран. Ведь недаром говорят, что существуют англо-саксонская, европейская континентальная, азиатская (применительно к Японии и другим “азиатским тиграм”) модели капитализма. Они отличаются друг от друга хозяйственным механизмом, регулирующим внутреннюю экономическую жизнь и способ включения страны в мирохозяйственные связи.

А что же в России? Создали ли мы свою модель, соответствующую, хотя бы в принципе, одной из трёх названных? Ведь они признаны успешными, обеспечили устойчивое развитие и выход на передовые технологические рубежи целого ряда стран в разных частях света.

К сожалению, нет. За четверть века у нас создана модель, которая смело может быть названа компрадорской. Главными её чертами являются упор на торговлю сырьём, а не на создание каких-либо производств; приоритет экспортно-импортных операций над целенаправленным формированием внутреннего рынка; ориентация не на накопление капитала за счёт собственных источников, а проедание их и внешние заимствования. В результате происходит всё более прогрессирующая примитивизация экономики. Гипертрофированно увеличивается в её структуре значение нескольких сырьевых отраслей, продукцию которых можно куда-то пристроить на экспорт, а другие отрасли попросту исчезают. Ну, чем не компрадорский Китай XIX века?!

В основе любой модели капитализма лежит определённый хозяйственный механизм, который состоит из отдельных элементов: денежно-кредитной политики, структурной, антимонопольной, таможенной, ценовой, систем регулирования труда, доходов и расходов населения, аккумуляции сбережений и их трансформации в накопления, организации пенсионного и социального обеспечения и ряда других. Если судить по постоянным намерениям правительства России что-нибудь реформировать, можно подумать, что наш хозяйственный механизм всё ещё находится в стадии формирования. Однако это не так. Он уже сформирован, и его главные элементы приобрели вполне выраженные черты. Это и полная свобода трансграничного движения капиталов; и максимальная либерализация внешней торговли товарами и услугами на условиях ВТО; и привязка объёмов денежной эмиссии к золотовалютным резервам; и использование ставки рефинансирования исключительно в целях борьбы с инфляцией; и отказ от поддержки прорывных технологий; и постоянное изъятие денег из экономики в различные фонды; и ориентация на иностранный капитал и технологии; и поэтапное доведение цен на продукцию естественных монополий на внутреннем рынке до уровня мировых; и всё большая коммерциализация бюджетной сферы. Каждое по отдельности и совокупное действие всех этих элементов хозяйственного механизма служат и основанием, и инструментом автоматического воспроизводства нашей компрадорской модели капитализма. А сам он является продуктом особого типа макроэкономической политики, имя которой – Вашингтонский консенсус. В фантик с таким незамысловатым названием завёрнут набор псевдонаучных либеральных рецептов по выходу из кризисов для испытывающих финансовые или экономические затруднения развивающихся стран. Международный валютный фонд и Всемирный банк, находящиеся, как известно, под полным контролем Соединённых Штатов Америки, объявили, что любые формы взаимодействия с такими странами они будут осуществлять только на условиях полного соблюдения правил Вашингтонского консенсуса. А это, как следует из экономической теории и как показала практика, довольно быстро приводит развивающиеся государства к потере своей экономической и политической самостоятельности, фактически превращая их в своеобразные колонии.

В тиски упомянутого консенсуса попала и Россия. Но важно понимать, что действующий у нас хозяйственный механизм сложился не спонтанно под влиянием каких-то объективных обстоятельств. Он был сознательно и целенаправленно сконструирован за четверть века наших реформ. Его идейным основанием послужил неолиберализм, который был господствующим течением мировой научной мысли в годы старта российских реформ. Как и любая другая теоретическая конструкция, неолиберализм, безусловно, содержит в себе ряд позитивных идей, полезных к применению на практике.

Кто же, к примеру, будет оспаривать необходимость максимально возможного раскрепощения рыночных сил и развития конкуренции на внутреннем рынке? Но в то же время ряд его ошибочных положений был принят совершенно бездумно. Прежде всего, это касается порядка и условий нашего включения в мирохозяйственные связи.

Основанные на идеях либерализма экономические теории требуют ликвидации любых барьеров между странами на пути свободного движения товаров, услуг и капиталов. Их апологеты утверждают, что это должно привести не только к всеобщему процветанию, но и к выравниванию уровня развития различных государств за счёт их специализации на определённых эффективных видах деятельности, углубления международного разделения и кооперации труда. Однако во все времена, когда те или иные разновидности либерализма главенствовали в мировой экономической мысли, а самое главное – получали практическое воплощение в политике ведущих мировых держав или их союзов, происходило как раз обратное. Разрыв между богатыми индустриальными и бедными сырьевыми странами не сокращался, а только увеличивался, порой достигая размеров пропасти. Почему это так, давным-давно нашло своё объяснение в трудах учёных разных стран и поколений. Они убедительно показали, что по сути своей либерализм является не чем иным, как теорией чисто торговых отношений. Он попросту игнорирует главную часть экономики – труд и производство. А ведь труд может быть простым или сложным, создающим в единицу времени дополнительную добавленную стоимость. Производство может быть ручным или высокотехнологичным, порождающим интеллектуальную ренту. Разница в произведённой добавленной стоимости, наличие интеллектуальной ренты обуславливают так называемый “неэквивалентный обмен” в торговле между странами, что, в свою очередь, выступает причиной ускоренного развития одних из них и отсталости других. А свобода перемещения капиталов, товаров и услуг служит мощнейшим катализатором этого процесса, давая возможность беспрепятственно вытеснить внешними поставками внутреннее производство любых более или менее сложных товаров в отсталых странах. В наднациональных масштабах неумолимо начинает действовать известная функция ничем не ограниченной рыночной конкуренции – дифференциация товаропроизводителей. В замкнутых границах отдельных государств её результатом становятся изменения в положении предприятий: рост масштабов деятельности одних и ухудшение позиций, а то и разорение других. А вот в международных масштабах происходит накопление капитала, специализация на наукоёмких и высокотехнологичных производствах, рост благосостояния в одних странах и утечка капиталов, примитивизация структуры экономики, относительное или абсолютное снижение уровня жизни – в других.

Где место современной России в этой системе? Очевидно, что во втором эшелоне. Достаточно посмотреть, что происходит в стране в последние четверть века. С каждым новым экономическим циклом, как угодно его можно считать – по финансовым годам или от кризиса к кризису, – отраслевая структура нашего народного хозяйства всё более и более деградирует. Всё меньше остаётся не только высокотехнологичных, но и стандартизированных обрабатывающих производств. Могут возразить, что в последние годы созданы сотни новых современных предприятий. Но не надо забывать, что за это же время прекратили существовать тысячи. Всё правильно, всё идёт в строгом соответствии с теорией, которую мы взяли на вооружение и усердно реализуем на практике. Потому деградация и дальше будет продолжаться. Наша страна методично отдаляется на периферию от развитых и богатых мировых центров экономической жизни, одновременно становясь всё более зависимой от них.

Какие надо выучить уроки

Можно ли было предвидеть в начале наших реформ такой печальный исход радикально открытого вхождения страны в мировой рынок, безо всякой подготовки, как говорится, с места в карьер? Конечно, можно. Повторяю, всё, что происходит с нами – далеко не новость. Достаточно посмотреть на экономическую историю разных государств. Там найдутся полные аналоги нашей сегодняшней ситуации. Но найдётся и позитивный опыт включения в мирохозяйственные связи целого ряда стран. Он был успешен тогда, когда осу-

ществлялась всемерная поддержка экспорта продукции отраслей с высокой добавленной стоимостью, а поставки на мировой рынок сырья ограничивались, если не прямо, то косвенно, как это было в Южной Корее. Одновременно внутренний рынок защищался сознательно создаваемыми барьерами, которые иногда носили и неявный характер. Например, в Японии никогда официально не вводилось ограничений на импорт потребительских товаров длительного пользования, но в массе своей они не могли пробиться к покупателю сквозь традиционные многоступенчатые торговые сети этой страны. Снятие торговых барьеров и открытие внутренних рынков успешных стран проходило по мере выхода ключевых отраслей их хозяйства на конкурентный по международным меркам уровень. Следует заметить, что этот выход достигался в том числе и за счёт тщательно культивируемой конкуренции национальных производителей на внутренних рынках.

Кто-то может сказать, что для нас не было необходимости использовать подобный опыт, поскольку к началу рыночных реформ Россия располагала вполне конкурентоспособными производствами во многих отраслях, доставшихся в наследство от Советского Союза. Но надо вспомнить, что именно в это время развернулась массовая приватизация, в ходе которой подавляющее большинство лучших предприятий страны было буквально раздербанено на части. Разве могли теперь отдельные цеха или даже участки бывших производственных объединений законченного цикла обеспечить выпуск хоть какой-то высокотехнологичной продукции? В том-то и дело, что к полной либерализации внешнеэкономической деятельности мы подошли только с сырьевыми товарами. А разгромленная обрабатывающая промышленность даже на внутреннем рынке быстро была вытеснена иностранными товаропроизводителями. Началась нарастающая деиндустриализация страны.

А вот главный апологет современного либерализма – Соединённые Штаты Америки в своё время сполна использовали весь арсенал протекционистских мер для защиты от международной конкуренции своей развивающейся промышленности. Собственно говоря, глубинным содержанием не только экономической, но и политической истории первых полутора веков существования этой страны была борьба североамериканского протекционизма с английским либерализмом в мировой торговле. И велась она на всех фронтах: и на страницах учёных фолиантов, газет и журналов, и в правительственных решениях, и даже на полях кровопролитных сражений. Ведь сутью и войны с Англией за независимость в XVIII веке, и гражданской войны в Соединённых Штатах в XIX веке была вовсе не борьба за политическое самоопределение американских колонистов или гражданские права негров, а за возможность для Америки развивать под сенью протекций собственную промышленность и перестать быть британским сырьевым придатком. Эта линия выдерживалась на протяжении многих десятилетий в собственной экономической политике США, а по мере усиления их роли на международной арене стала трактоваться как носящая универсальный характер для мировой экономики. Так, в 1941 году Рузвельт обуславливал перед Черчиллем вступление Штатов во вторую мировую войну на стороне Англии демонтажом основанной на либеральной идеологии системы торговых отношений внутри Британской империи. В этой системе он видел причину углубляющегося разрыва в уровнях развития между промышленной метрополией империи и её сырьевыми сателлитами, которые, несмотря на все усилия, стремительно погружались в нищету. По его мнению, правильный путь лежит через индустриализацию развивающихся стран, создание в них многоотраслевой экономики. Только тогда возможен и нужен их открытый выход на мировые рынки в режиме свободной конкуренции на благо всеобщего процветания. Такой подход во многом был реализован на практике в знаменитом плане Маршалла для восстановления послевоенной Европы.

Но вот прошло несколько десятилетий, и Соединённые Штаты вместе со своими союзниками радикально поменяли курс. Что же для этого послужило причиной? Сработала старая, хорошо известная истина: бытие определяет сознание. Попав в жёсткие тиски мирового экономического кризиса 1970-х – начала 1980-х годов, промышленно развитые страны Запада нашли выход из него в глобализации мировой экономики. Для этого потребовалось взломать все экономические границы и барьеры и обеспечить свободное движение товаров и услуг западных компаний на внутренние рынки развивающихся стран,

одновременно получив доступ к их сырьевым ресурсам. Для идеологического обоснования стратегии экспансии была выбита пыль из старых теорий бывших оппонентов и сконструирован современный неолиберализм. В рамках свойственной Соединённым Штатам Америки – этой современной империи лжи – политики двойных стандартов неолиберальные догмы используются в двух форматах. В развитых странах они применяются прагматично и выборочно, с пользой для экономики страны. Для развивающихся же государств сформированы в виде обязательных к исполнению принципов Вашингтонского консенсуса. Понятно, что принятие этих принципов для многих стран – приговор к вечной отсталости и второсортности, но их обязательность обеспечивается политическим, а то и военным принуждением либо через деятельность международных финансовых организаций, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Теперь сравним дюжину пунктов Вашингтонского консенсуса и главные элементы нашего действующего хозяйственного механизма, о которых говорилось выше. Они находятся в полном соответствии друг с другом.

Конечно, возникает вопрос: есть страны, которые в силу тех или иных обстоятельств исторически были слаборазвитыми, но мы-то почему покорно приняли идеологию Вашингтонского консенсуса и прямо-таки по пунктам его принципов выстроили компрадорскую модель экономики? Мы же не находились под дулами английских, французских или американских канонерок, как Китай во время “опиумных” войн или Япония во времена бандитствующего янки, адмирала Перри, когда они силой заставили эти великие страны раскрыть свою экономику. Да, это так, но условия Вашингтонского консенсуса в начале 1990-х годов нам тоже были навязаны Западом. И навязаны благодаря слабой, непрофессиональной команде, оказавшейся тогда во главе страны. Главными причинами уступок, судя по всему, стали две. Во-первых, тогдашнее руководство страны готово было на всё ради признания его легитимности на международной арене после преступного и незаконного разрушения Советского Союза. Во-вторых, нужда во всё новых кредитах, как для расплаты по старым долгам, так и для проведения рыночных реформ.

Сегодня ситуация иная качественно. На основе новой формы своей государственности Россия приобрела внутреннюю устойчивость и весомый международный авторитет, легитимность всех ветвей её власти никем не оспаривается, снято тяжкое бремя государственных долгов. Пришло время освобождаться от пут навязанной нам извне модели экономики, конструировать новую, нацеленную на передовые мировые рубежи.

Но дело не только в объективно созревших для этого условиях. Просто время уже не ждёт: мы у края обрыва, на котором ещё можно немного постоять, но дальше пути не будет. Только падение. Это особенно ясно в условиях резкого снижения цен на сырьё, санкций и контрсанкций, беспрецедентного политического и идеологического давления на нашу страну со всех сторон. Союзников и бескорыстных подсказчиков, к сожалению, у нас нет. Самим надо всё решать. Наверное, осознание этого приходит ко всем. Вот почему появилось так много разных идей и концепций, что делать дальше.

Либеральный консерватизм

Как и должно ожидать, первую скрипку в дискуссиях задают “экономические гуру” последних лет. Как правило, это люди из властных или привластных, или, на худой конец, околоставных кругов. К примеру, Улюкаев, Греф и Кудрин. Их рекомендации на первый взгляд кажутся разными, но по сути дела дают одни и те же рецепты: приватизация, демонополизация, снятие административных барьеров, защита прав собственности, коммерциализация социальной сферы, реформа правоохранительной системы и прочая, прочая тотальная либерализация.

Конечно, сразу возникает вопрос: а чем же мы занимались четверть века? Разве не этим? Можно ведь даже ретроспективный график, когда и как всё делали, привести. Представить тонны исписанных “дорожных карт” и отчётов об их исполнении. А результат реализации идей двадцатипятилетней давности налицо: деградация экономики только продолжается.

Сами либеральные экономисты заявляют, что все наши проблемы якобы от незавершённости начатых реформ. Надо, мол, довести их до конца, до-

шлифовать до полного блеска все элементы созданного хозяйственного механизма. И он заработает надёжно, как швейцарские часы.

Да, заработает. Только будет в ещё более ускоренном темпе воспроизводить то, к чему уже привела политика Вашингтонского консенсуса. Это компрадорская модель капитализма, примитивизация структуры экономики с гипертрофированным развитием сырьевых отраслей. Можно дальше продолжить цепь причинно-следственных связей: сырьевая экономика – место в числе отсталых стран – второстепенная роль в мировой политике – угрозы национальной безопасности – частичная или полная потеря государственного суверенитета. Реально ли такое развитие событий? Вспомним собственную нашу историю. Конец XIX – начало XX веков, недовольство революционеров всех мастей незавершённостью реформ Александра II и их требование: надо больше буржуазной демократии, больше и больше! Конец XX века, недовольство Горбачёва и кучки окружающих его клеветов итогами семидесятилетнего государственного строительства в СССР и их требование: надо больше социализма, больше и больше! В обоих случаях радикализм привёл Россию к государственной катастрофе. А не путь ли к тому же – нынешняя ситуация, когда современные либеральные радикалы требуют: надо больше либерализма, больше и больше?!

Где исток этих идей? Он в том, что в начале 1990-х годов нам были навязаны к исполнению не только определённого сорта экономическая политика, основанная на принципах Вашингтонского консенсуса, но и команда проводников её в жизнь. Не думаю, что Ельцин был рад Гайдари во главе правительства России. У него были свои фавориты. Это решение, скорее, было вынужденным.

Гайдара уже нет, но его соратники, воспитанники, последователи и просто конъюнктурно примкнувшие к ним люди и сегодня остаются на вершинах властных, научных и идеологических структур. Им объективно трудно отказаться от своих идей и дел, даже если они осознают, что были проводниками чужих интересов и ложных концепций. Срабатывает и известный философский гносеологический закон: общественное бытие всегда опережает общественное сознание. Жизнь идёт вперёд, а люди, как правило, остаются в плену однажды сформировавшихся воззрений. Практика уже доказала, что неолиберализм, может быть, и был полезен Западу в определённый исторический период, но сегодня сам является источником многих глобальных мировых проблем. Потому уходит в прошлое и сама эта теория, и её практическое применение. Но отечественные либералы, взгляды которых сформировались три десятилетия назад, когда неолиберализм был господствующим течением мировой экономической мысли, до сих пор остаются в плену его иллюзий. В этом смысле их, в том числе самого Грефа, можно назвать его же термином – дауншифтерами.

Куда идти

Вместе с тем, помимо либеральных концепций выдвигаются и другие предложения по созданию новой модели экономики.

Во всём их разнообразии можно увидеть сходство точек зрения относительно ближайших стратегических экономических целей. Это, **во-первых**, замена в качестве основного источника самого существования и развития страны сырьевой ренты на интеллектуально-технологическую; **во-вторых**, снятие всех инфраструктурных ограничений для любых видов хозяйственной деятельности; **в-третьих**, оптимизация систем территориального размещения производительных сил и расселения. Казалось бы, эти цели слишком разновекторны, чтобы ставить задачу их одновременного достижения. Но на самом деле, они взаимообусловлены: одно невозможно без другого. А самое главное, именно в своей совокупности они обеспечивают и экономическое развитие, и политическое единство, и безопасность страны от внешних геополитических угроз.

Возможно, нам повезло, что, как говорят специалисты, мир переживает очередную смену глобального технологического уклада. Именно такие времена наиболее благоприятны для выхода на мировые рынки с новыми продуктами, материалами, оборудованием и технологиями. Это создаёт хорошие предпосылки для достижения первой стратегической цели. Тем более, что,

как считают учёные, по трети из 50 наиболее значимых мировых достижений в нано- и биотехнологиях, геномной инженерии, интегрированных информационных системах мы занимаем передовые позиции, а по ряду других сохраняем все возможности догнать лидеров. Но надо спешить: многие в этом мире при разработке новейших технологий двигаются быстрее нас. Вот почему **фундаментальные и прикладные исследования, отрасли и производства, находящиеся на острие научно-технического прогресса, должны сполна получить первоочередную государственную поддержку, не только финансовую, но и организационную.** Имеется в виду создание целого ряда специальных внедренческих структур, находящихся на стыке науки и прикладного использования её достижений.

Целый арсенал разнообразных форм государственной поддержки необходимо использовать и для стимулирования восстановления и развития высокотехнологических отраслей действующего уклада, в первую очередь, всех видов машиностроения, а также извечных базовых секторов народного хозяйства, таких как агропромышленный комплекс. А вот другие виды деятельности должны развиваться самостоятельно, ориентируясь исключительно на текущую и долгосрочную рыночную конъюнктуру, находясь в режиме жёсткой конкуренции не только с отечественными товаропроизводителями, но и с зарубежными. Их поддержка может иметь какой-то смысл только в рамках разумного импортозамещения. Необходима концентрация внимания и ресурсов на главных приоритетах, обеспечивающих и технологическую самодостаточность страны, и эффективный выход на мировые рынки. Только так можно остановить постоянный отток капитала, обусловленный “неэквивалентным” обменом при торговле сырьём и полуфабрикатами. Только так создаётся канал его притока и накопления.

Концентрация средств необходима и в ходе достижения второй стратегической цели – снятия всяких инфраструктурных ограничений для всех отраслей народного хозяйства. На первом этапе надо отодвинуть в сторону разного рода местечковые проекты – плоды всевозможных лоббистских усилий – и сосредоточиться на решении общенациональных вопросов, обеспечивающих экономическое, социальное, культурное, мобилизационное и, в конечном итоге, политическое единство страны. Речь идёт о завершении создания объединённой энергосистемы страны, единых общегосударственных систем магистральных нефте- и газопроводов, тотальной газификации населённых пунктов; окончании реконструкции БАМа и Транссиба; строительстве Северо-Сибирской, Трансуральской, Амуро-Якутской железных дорог, Белкомура и Северного широтного железнодорожного хода; прокладке автодорог на Чукотку и Камчатку; восстановлении Северного морского пути и меридиональных подходов к нему. Причём внимание должно быть уделено не только линейным сооружениям, но и крупным транспортным узлам, объектам логистики. В первостепенности этого вопроса можно убедиться на примере импортозамещения рыбной продукции. Предполагалось, что значительная часть её импорта из европейских стран будет заменена на нашем внутреннем рынке на отечественную дальневосточную. Но этого не произошло, хотя по ходу путины 2015 года такие возможности были. Причиной послужил крайний недостаток мощностей по приёму и переработке рыбы в российских портах Дальнего Востока. А вот у наших восточных соседей с этим всё в порядке. В одном только южнокорейском порту Пусан ёмкость рыбных холодильников почти в тридцать раз больше, чем на всём Тихоокеанском побережье России. Потому и уплыла наша рыба на чужие столы.

По третьему направлению **необходимо продолжить работу по созданию особых условий хозяйственной деятельности и организации социальной сферы в депрессивных макрорегионах, таких, как Дальний Восток, Северный Кавказ, Крайний Север востока страны.**

Это главные цели с позиций сегодняшнего дня, а завтра появятся новые.

Целеполагание: от имитации – к конструированию будущего

Задача определения и чёткого формулирования стратегических целей развития страны чрезвычайно сложна. Обусловлено это не линейным, а скорее скачкообразным, со множеством непредвиденных эффектов ходом научно-

технического прогресса. Сложности добавляет и то, что сами социально-экономические процессы носят вероятностный характер, поскольку в их основе лежат не только объективные закономерности общественного развития, но и субъективная человеческая деятельность. Тем не менее, во многих успешных государствах созданы системы стратегического прогнозирования, целеполагания и планирования. Пока писалась эта статья, индусы, китайцы и японцы выполняли свои очередные пятилетние индикативные планы, немцы были заняты практической реализацией долгосрочных федеральных программ выравнивания уровней развития земель, по заранее заданной траектории движется военно-промышленный комплекс США, увлекая за собой мощнейшую национальную науку и высокие технологии.

А куда движется Россия? Формальный ответ может быть таким: наши цели заданы разработанной ещё в 2008 году “Стратегией 2020”. Но над этим документом сейчас почти в открытую посмеиваются сами его разработчики. Да, дескать, был грех, творили что-то, не ведая ничего про будущие катаклизмы с нефтью и Крымом, а сейчас всё это устарело и не нужно. Но ведь даже и кризисные сценарии должны были быть учтены в главном стратегическом документе, подготовлены на этот случай планы действий. Сейчас бы они и пригодились. А может быть, дело не в непредвиденных катаклизмах, а в самом подходе к прогнозированию и целеполаганию?

Для того чтобы проверить это, вернёмся в 2008 год. Тогда кроме общегосударственной “Стратегии 2020” был принят и целый ряд других. К примеру, Энергетическая стратегия России до 2030 года. Даже если просто посмотреть на принятые в этих двух документах горизонты планирования, то можно сделать вывод, что энергетика первична. До 2020 года она ведёт за собой экономику страны, дальше отпускает её идти в каком хочешь направлении, а сама движется к собственным целям. Но ведь должно же быть равным счётом наоборот. И это не единичный случай. Это типичная ситуация: достаточно проанализировать все принятые к настоящему времени документы стратегического планирования. В них собственные цели развития отраслей и макрорегионов все не вытекают из общегосударственных.

“Ничего страшного нет, ведь всё это только бумажные планы”, — скажут некоторые. Это не так. Давайте заглянем в ту же Энергетическую стратегию России до 2030 года. В ней прямо декларируется идея, что топливно-энергетический комплекс — это самоценный “локомотив”, который ведёт страну в инновационное будущее. Именно в этой парадигме он и развивается до сих пор, всё более отрываясь от других отраслей и сфер деятельности, становясь “ведущей в себе” с замкнутым денежно-ресурсным оборотом: продажа сырья на экспорт — закупка импортных технологий и оборудования, и далее по этому же кругу. А в соответствии с законом убывающей производительности недр, ТЭК требует всё больше средств, ресурсов, льгот, преференций, внимания и всё меньше от него общая народнохозяйственная отдача. Пожалуй, не осталось на планете не то что страны, а даже маленького островка в океане, куда бы мы не попытались привести газовую трубу или пригнать танкер с нефтью. А в это же время 40 процентов территории России не имеет газа, жители тысяч населённых пунктов топят дома дровами и кизяком, как в XIX веке. При наличии пока ещё богатейших ресурсов и относительно низких затратах на добычу углеводородов цены на рынке первичных энергоносителей внутри страны подошли к пределу платежеспособного спроса со стороны промышленности и населения. В эмбриональном состоянии находится нефтегазохимия. А ведь эта отрасль могла бы во многом сдмпфировать негативные последствия падения мировых цен на углеводороды, как это происходит в тех же США и Катаре. В чём причина происходящего? В неверно сформулированных стратегических целях. Ни с точки зрения народнохозяйственных интересов, ни по природе своей не может быть топливно-энергетический комплекс “локомотивом” развития экономики. Эта важная, но обычная инфраструктурная отрасль, задача которой — обеспечить жизнедеятельность населения и бесперебойную работу других отраслей народного хозяйства. Всё остальное — по возможности и в крайнем случае. Так бы оно и было, если бы в стратегическом планировании, как говорится, телега не ставилась впереди лошади, и цели ТЭКа были бы определены из интересов всей страны, а не самого этого комплекса.

Казалось бы, ситуация должна была радикально поменяться с принятием в 2014 году федеральных законов о стратегическом планировании и о промыш-

шленной политике в Российской Федерации. Однако нет, ничуть не бывало. До настоящего времени правительством не разработаны нормативно-правовые акты, определяющие технологию и порядок выполнения положений этих законов. Более того, всю эту работу оно, по-видимому, намеревается и во все свернуть. А как же иначе понимать недавно принятое решение об упразднении департамента стратегического планирования в составе Министерства экономического развития России? Или прошлогоднюю ликвидацию Совета по изучению производительных сил – старейшего в стране института, занимавшегося вопросами программирования социально-экономического развития. Созданный ещё при императоре Николае II, он сто лет служил государству при самых разных властях и правителях, а вот теперь стал не нужен. Но **какие бы ни были причины упорного неприятия стратегического планирования – замкнутость ли на идеологических догмах либерализма или некомпетентность и неадекватность – жизнь всё равно заставит его налаживаться. Потому что будущее не приходит само, оно сознательно конструируется, пусть и со многими поправками и корректировками по мере развития событий. Если этим не заниматься, придёт пора стать в строй подчинённых в новой реальности, которую создадут наши конкуренты, а не мы.**

Как конкретно должна быть выстроена система стратегического прогнозирования, целеполагания и планирования – это предмет отдельных самостоятельных исследований и решений. Сегодня, опираясь на наш собственный богатейший опыт и практику успешных зарубежных государств, можно выделить только некоторые желательные её черты. Важно, чтобы органы стратегического целеполагания структурно были выведены за рамки правительства и подчинены непосредственно президенту России. Их состав необходимо формировать из числа руководителей и учёных РАН; ведущих конструкторов, инженеров и технологов разных отраслей народного хозяйства; представителей объединений работодателей и профсоюзов; известных в стране общественных деятелей, представляющих, прежде всего, субъекты федерации. Постоянно действующие исполнительные подразделения этих органов должны иметь право как привлекать для исследований и проектировок российские организации на основе специально разработанных долгосрочных контрактов, так и создавать собственные нужного профиля.

Планам и госпрограммам – инструментарий выполнения

Понятно, что сформулированные в самом общем виде стратегические цели разбиваются на отдельные задачи с поэтапным их решением. Эти задачи могут меняться во времени в зависимости от конкретных обстоятельств. В этой связи, направленная на их выполнение система государственных планов должна иметь долгосрочный и среднесрочный горизонты планирования с постоянной их корректировкой по результатам годовых или двухлетних периодов.

В условиях рыночной экономики никакой государственный план не может быть директивной. Для субъектов рынка он даёт только ориентиры на общественно важные цели и индикаторы их достижения. Вот почему важнейшим условием выполнения планов является их тщательное согласование со всеми заинтересованными сторонами уже в процессе разработки. Это хорошо видно на примере Японии. В ходе переговоров с участием правительства страны японские профсоюзы, как правило, соглашались умерить социальные требования в обмен на обязательства работодателей направлять всю заработанную прибыль на развитие производств в новых отраслях, названных приоритетными в государственных планах. Да и сами частные корпорации, даже флагманы мировой экономики, часто годами терпели низкую норму прибыли на капитал в высокотехнологичных отраслях, считая для себя важным действовать в русле национальных приоритетов. Позитивный опыт согласования интересов, целей и планов по горизонтали и по вертикали был накоплен и в нашей стране в советское время. Он должен быть переосмыслен с точки зрения новых реалий и найти применение в современной практике.

Достижение стратегических целей и индикаторов планов развития страны должно осуществляться правительством посредством долгосрочных и среднесрочных государственных программ. В последние полтора десятилетия подготовлена достаточно обширная методическая база их разработки. Но значимых результатов от исполнения утверждённых программ, в большинстве своём, нет.

Этому есть несколько причин. Во-первых, госпрограмм только на федеральном уровне принято сотни. Такое большое их число означает, что нечётко определены стратегические цели и нет выделенных приоритетов в развитии страны. Отсутствует и возможность сформулировать критерии оценки результативности госпрограмм. Всё это только подчёркивает то плачевное состояние стратегического прогнозирования и целеполагания в стране, о котором говорилось выше. Во-вторых, наметилась упрощенческая тенденция в самом подходе к формированию госпрограмм для отраслей бюджетной сферы. По сути своей это не программы, дающие новое качество развития той или иной отрасли, а поддержание их обычной жизнедеятельности. Такой подход не совершенствует программно-целевой метод управления, а только дискредитирует его. Но третий, самый главный недостаток действующей системы планирования, выявляется при подведении итогов исполнения госпрограмм. В подавляющем большинстве случаев та их часть, ответственность за которую возложена на государство, выполняется в значительно большей степени, чем другая, где предполагалось участие бизнеса. Это системный недостаток всех госпрограмм. Отсюда можно сделать вывод: **мало определить стратегические цели развития страны и разработать государственные планы и программы как средство их достижения. Необходимо сконструировать такой хозяйственный механизм, который содержал бы в себе набор экономических, финансовых, фискальных, организационных инструментов, побуждающих, направляющих, стимулирующих и заставляющих частный бизнес и каждого человека участвовать в их выполнении для достижения общенациональных целей.**

Средства для развития

Одним из ключевых элементов этого механизма должна быть система мобилизации средств и направления их в качестве инвестиций в предусмотренные госпрограммами проекты развития приоритетных отраслей и направлений. Прежде всего, встаёт вопрос: где брать деньги?

По некоторым подсчётам, более 15 трлн рублей может быть получено за счёт домонетизации экономики. Эта сумма исчисляется как разница между общей массой денег, необходимой для нормального функционирования экономики при сложившихся объёме ВВП и скорости оборота денег, и фактическим их наличием в обращении. Сейчас она составляет около 40 процентов от необходимого. Остальное теми или иными способами изъято из экономики по требованию Международного валютного фонда о привязке денежной эмиссии к золотовалютным резервам Центрального банка России. Требование это, как мы помним, является одним из условий Вашингтонского консенсуса, и наша страна продолжает его покорно исполнять. От такой привязки надо отказаться, тем более в условиях санкционного режима. Лучше это сделать сейчас и направить средства на инвестиции. При этом можно использовать целый арсенал движения этих средств: прямые государственные капитальные вложения, покупка казной ценных бумаг предприятий под их проекты, предоставление им инвестиционных кредитов по базовой ставке Центробанка, государственно-частное партнёрство. Надо апробировать и такой путь, когда проектирование и строительство новых производств ведётся за счёт государства, а потом они сдаются в аренду. Это особенно может быть полезным для практического воплощения совершенно новых идей и технологий, рождённых в лабораториях учёных.

Могут быть и другие формы, но всегда надо иметь в виду, что все они хороши, если ведут к достижению стратегических целей. Прямая государственная поддержка должна оказываться только таким проектам, которые стройжайшим образом соответствуют именно заранее выделенным приоритетам. Вынужден акцентировать на этом внимание потому, что сейчас сложилась иная практика. Под каким-либо лозунгом, к примеру, необходимости инноваций, создаётся специальный фонд, выступающий буквально зазывалой для каких угодно инициатив. После глубокомысленной и дорогостоящей их экспертизы начинается финансирование всякой всячины под видом новизны: от выращивания экзотических креветок для олигархов до двухоперационной сборки импортной рухляди. Всё это должно быть ликвидировано и забыто. Основной поток инвестиций необходимо направить исключительно на главные

приоритеты. Это высокие технологии пятого и шестого укладов, любая экспортная продукция, кроме сырья, разумное импортозамещение, инфраструктура, выравнивание уровней развития депрессивных регионов.

Некоторые финансисты категорически заявляют, что домонетизация экономики недопустима, поскольку дополнительная эмиссия приведёт к всплеску инфляции. Тогда давайте вспомним, что во времена деятельности правительства Примакова менее, чем за год, монетизация экономики возросла в 10 раз, а инфляция одновременно снизилась вдвое. Необходимо лишь установить контроль за тем, чтобы дополнительные средства были строго направлены на инвестиционные цели, а не выброшены на денежный рынок через коммерческие банки. Можно ли это сделать? И наш, и зарубежный опыт свидетельствуют, что можно. Образцом, например, может быть работа Промстройбанка СССР, который доводил любую копейку до строго заданных адресатов и целей. В Японии в своё время были учреждены специализированные банки, которые кредитовали инвестиционную деятельность только избранных правительством предприятий приоритетных отраслей. Таких примеров можно привести множество. Да и в нашей современной практике скоро появится нужный опыт, поскольку вступил в действие федеральный закон о порядке финансирования оборонного заказа, предусматривающий жёсткий контроль за целевым использованием средств.

Таким образом, домонетизация – это первый путь получения денег для осуществления стратегических целей. Кроме того, **порядка 20 триллионов рублей находится на счетах населения в коммерческих банках, плюс иностранная валюта на руках, эквивалентная 30 млрд долларов.** Общая сумма больше доходной части годового федерального бюджета. Значит, **надо создать систему привлечения хотя бы части этих денег в инвестиции через ценные бумаги или гарантии государства.** Уж это-то явно не эмиссионный источник!

Особая задача – остановить отток средств за рубеж. Едва ли сбудутся сладкие мечты либерально мыслящих экономистов, что этот отток остановится сам собой в ходе шлифовки их реформ. Даже если мы гордо и с большим отрывом займём самое первое место в известном мировом рейтинге условий ведения бизнеса, он не остановится при наличии открытого валютного рынка. В доказательство достаточно спросить, куда подевалась значительная часть валютных резервов нашего Центрального банка после недавнего набега валютных спекулянтов? Не для того нас принуждали к принятию правил Вашингтонского консенсуса, чтобы доллары или евро скапливались в России. Плавающий курс рубля в чём-то поможет, но в критический час плотину на пути оттока капитала не создаст. Надо вводить жёсткий валютный контроль: продажу полного объёма валютной выручки экспортёров Центральному банку (вот и источник для домонетизации экономики), ограничение переводов средств из страны юридическими лицами только текущими торговыми и платёжными по возврату кредитов операциями. Все остальные их денежные трансферты должны облагаться весомым налогом. Что касается физических лиц, то их переводы средств за границу должны иметь разрешительный характер при наличии деклараций об источниках доходов.

Возможно, это и не чисто рыночный подход. Но давайте обратимся к практике других стран. В период послевоенной реиндустриализации в целом ряде европейских стран десятилетиями существовал запрет на вывоз валюты, но и на покупку иностранных потребительских товаров длительного пользования. В Южной Корее даже обучающимся за границей студентам родители могли перевести строго определённую сумму в год. Японцы строго придерживались стратегии: “Мы экспортируем товары и связанные с этим услуги, а не капиталы”. Это ли не примеры для нас? Разве это не рыночные страны, а мы разве не нуждаемся остро в реиндустриализации?

Вопрос об ограничении движения капитала из страны имеет и другой аспект. Это находящаяся у всех на слуху деофшоризация. Меры, предпринимаемые правительством в этом направлении, правильны, но явно не достаточны. К пряникам в виде амнистий возвращающихся капиталов надо добавить и кнут. Либо выход предприятия из офшоров, либо жёсткое ограничение его деятельности в России. Речь идёт о полном запрете на участие в государственных подрядах, покупках земельных участков, акций и других активов любых российских предприятий, лишении доступа к недрам. Понятно, что эти

меры затронут интересы многих влиятельных лиц. Но надо же на практике посмотреть, как будут действовать в России подходы знаменитого и широко ныне цитируемого нашими управленцами сингапурского лидера Ли Куан Ю, который, как известно, не жалел своих друзей-товарищей.

Тарифы развития вместо тарифов удушения

Накопление денежных средств, их трансформация в инвестиции обеспечивают будущее нашей страны. Но и сегодня, и завтра реальный сектор экономики должен работать в максимально комфортных условиях, не быть обременённым необоснованными затратами. В этой связи **особенно важны справедливые цены и тарифы на товары и услуги естественных монополий**. Прежде всего, это касается производителей первичных энергоносителей – нефти, газа и угля. Сегодня господствует подход, предусматривающий поэтапное доведение цен на них внутри страны до мирового уровня за минусом транспортных затрат на экспорт. Это так называемый принцип равнодоходности при работе на внешнем и внутреннем рынках. Но даже при том, что он освящён на самом высшем властном уровне, такой подход принципиально неверен. Его можно воспринимать только как апофеоз принципов Вашингтонского консенсуса, не соответствующий ни экономической теории, ни реальной практике других государств. Цены на первичные энергоносители должны быть максимально приближены к их действительной стоимости. Этого можно добиться либо тотальной демополизацией нефтяной и газовой промышленности, включая трубопроводные системы, и созданием на этой основе рынка с совершенной конкуренцией, либо государственным регулированием цен. Первый путь труднореализуем, да и не нужен, учитывая все негативные последствия для развития имеющего исключительно важное значение для нашей страны нефтегазового комплекса. На втором же пути надо жёстко придерживаться политэкономической формулы “цены производства”, которая требует учёта не индивидуальных, а общественно-необходимых затрат на производство продукции монополистов, не расчётной, а средней по народному хозяйству нормы прибыли. А это означает, что монополисты должны распрощаться с выходящими за все нормы приличия сверхвысокими окладами и бонусами управленческого персонала, футбольными и хоккейными клубами, персональными самолётами и прочими загульными корпоративами. Цены на первичные энергоносители на внутреннем рынке могут и должны быть существенно снижены.

Сейчас вошло в моду ссылаться на труды крупнейшего авторитета по принципам формирования железнодорожных тарифов графа Витте. Его книги издаются большими тиражами, цитируются к месту и не к месту. Причём особенно любит это делать наше высокое железнодорожное начальство. Не буду вдаваться в подробности сложнейшего тарифного дела, но отмечу, что в настоящее время осуществлены на практике именно те подходы, которые граф нещадно критиковал, отвергал и радикально перестроил. Если бы его принципы действительно были реализованы в наши дни, то не возникло бы проблемы пригородных электричек, не отступал бы железнодорожный транспорт в конкуренции с автомобильным на дальних грузовых перевозках, не уходили бы пассажиры с междугородних поездов на автобусы. Все эти на самом деле рукотворные проблемы настолько остры и для народного хозяйства, и для жизни людей, что требуют немедленных решений.

Но дело не только в этом. Важно, что Витте считал вопросы пространственного развития и системы тарифов железных дорог равнозначными с налоговой и таможенной политикой по своему влиянию на экономику страны. Потому он и соотносил интересы отрасли с общегосударственными. Отсюда и применяемые им методы: перекрёстное субсидирование перевозок одних грузов за счёт других; уменьшение удельных грузовых тарифов пропорционально расстояниям; их резкий перелом в отдельных узловых точках. За счёт одного из таких переломов, например, была ликвидирована конкуренция западных и восточных областей России на мировых рынках зерна, а Сибирь превратилась в одного из крупнейших на планете производителей животноводческой продукции. Скажи кто-нибудь сейчас о необходимости применения этих инструментов регулирования тарифов, и тут же будешь заклеен как антирыночник. Почему? Ведь Витте был рыночником покруче нынешних. По-

другому он видел и пути реформирования отрасли. Вместо разделения её по видам деятельности, предлагал из общей сети выделить в качестве самостоятельных рыночных единиц группы железных дорог по географическому принципу. В те уже далёкие времена железные дороги в России принадлежали и частному капиталу, и государству, но успешно управлялись, как единое целое. Сеть дорог была одной из лучших в мире в техническом, организационном и финансовом отношении. Почему же не был использован собственный позитивный опыт в ходе современных реформ в отрасли? Может быть, потому, что хвалебные предисловия к новым изданиям старых книг подписывались, но сами они не читались? А и в самом деле, зачем? Ведь есть готовые иностранные рецепты и чужой, якобы успешный опыт. Вот и получили мы 9 километров в час средней скорости движения грузов по железным дорогам России, их деградирующую сеть и неподъёмные тарифы. Надо возвращаться к самым истокам реформ отрасли и многое делать заново.

В последнее время несколько поutih накал споров вокруг принятой в середине 2000-х годов схемы реформирования электроэнергетики. Оно и понятно, первые итоги реформ принесли всё-таки некоторые положительные моменты. К их числу можно отнести возможность для крупных потребителей выбрать ценовые и технические условия поставок электроэнергии, несколько большую, чем раньше, гибкость и прозрачность ценообразования. Своевременны были ликвидированы и ошибки в структурном построении электросетевого хозяйства. Но в то же время не сбылись многие ожидания, прежде всего, в отношении тарифов на саму электроэнергию и услуги, связанные с её поставками.

Во многом это обусловлено техническим состоянием отрасли. По таким важнейшим показателям, как производительность труда, удельные расходы топлива на выработку полезной продукции, потери в сетях, электроэнергетика опустилась до уровня середины 1970-х годов. Крайне велика степень износа её основных фондов. Так, проведёнными после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС обследованиями выявлено, что состояние паровых и газовых турбин электростанций удовлетворительно только в одном федеральном округе из семи, а гидротурбин – в двух из семи объединённых энергосистем. Техническая отсталость электроэнергетики сегодня служит причиной снижения её надёжности и высоких тарифов, а завтра будет лимитирующим фактором даже для умеренного роста экономики. Вот почему эта отрасль, пожалуй, как никакая другая, требует инвестиций в модернизацию действующих и создание новых мощностей. До сих пор механизмы их привлечения были рассчитаны в основном на аккумуляцию средств потребителей электроэнергии. В сетевом хозяйстве вводилась плата за присоединение к мощностям, долговременные тарифы на передачу электроэнергии с включённой в них инвестиционной надбавкой. Эти механизмы и в дальнейшем могут быть использованы. Необходимо только усовершенствовать их с точки зрения дополнительных стимулов для участия потребителей в развитии энергетики. Например, передавать им ценные бумаги энергокомпаний в объёмах, эквивалентных абсолютным величинам инвестиционных надбавок. Необходимо также встроить механизмы стимулирования инвестиций в хозяйственную деятельность предприятий, вырабатывающих электроэнергию. Это возможно сделать через нормирование их затрат. Сверхнормативные расходы на труд и топливо должны облагаться специальными налогами на превышение фонда потребления и дополнительное загрязнение окружающей среды. И, напротив, всякую экономию затрат, расходующую или накапливаемую на инвестиции, следует освободить от налогообложения.

Было бы целесообразным разработать и специальную систему рентных платежей в электроэнергетике. Речь идёт об изъятии части сверхприбыли некоторых генерирующих станций, если она не направляется на обновление или создание новых мощностей. Эта сверхприбыль образуется, как правило, за счёт не зависящих от работы предприятий факторов: либо за счёт более эффективного топлива, либо за счёт местоположения относительно его источников. Потому и она может быть безболезненно и справедливо изъята в случае использования не в целях развития производства. Помимо стимулов, направленных на аккумуляцию собственных средств для инвестиций в основные фонды, электроэнергетика нуждается и в различных формах государственно-частного партнёрства. Прежде всего, это касается гидростроительства. Развитые страны уже давно задействовали энергетический потенциал своих рек

практически полностью. В восточной же части России от Байкала до Чукотки действует или строится всего восемь гидроэлектростанций, хотя для сооружения новых выбрано ещё более трёх десятков створов. Гидроэнергетика заведомо более экологична и экономична, чем любая другая, включая солнечную и ветровую. Тем более на востоке страны, где нет угрозы затопления пахотных земель. Но слишком дорого строительство её станций для частных инвесторов. Привлечь их можно было бы, профинансировав часть затрат, допустим, на плотины и схемы выдачи мощности, за счёт государственных источников. Таким способом можно создать целые каскады гидроэлектростанций, решив параллельно множество общегосударственных задач: борьбы с паводками, накопления запасов пресных вод, выработки дешевой электроэнергии для собственных нужд и на экспорт.

Ценообразование на энергоносители и услуги всевозможных монополий имеют для нашей страны особое важное значение. Какие бы мы ни принимали меры по повышению энергоэффективности промышленности и сельского хозяйства, оптимизации маршрутов перевозок их продукции, сами климатические и географические условия Российской Федерации объективно определяют повышенный по сравнению с другими странами уровень затрат на них. Именно поэтому надо добиться их оптимального регулирования, чтобы снять хотя бы часть нагрузки на реальный сектор экономики.

Налог как инструмент достижения целей

Существует точка зрения, что действующая в Российской Федерации налоговая система чрезмерно обременительна для бизнеса. Однако объективные показатели свидетельствуют, что это не совсем верно. Удельный вес в валовом внутреннем продукте средств, распределяемых через налоговую систему, доля налогов в структуре выручки предприятий от реализации их продукции и услуг имеют в России умеренные значения относительно других стран. В то же время есть целый ряд вопросов, которые требуют новых решений.

Прежде всего, уже перезрел отказ от плоской шкалы налогообложения доходов физических лиц. Его дифференциация позволила бы и несколько снизить градус социальной напряжённости за счёт выравнивания уровня жизни разных категорий населения, и частично покрыть хронические дефициты местных бюджетов. Уже в ближайшее время надо заменить налог на добавленную стоимость налогом с оборота с его разбивкой по группам товаров. С одной стороны, это было бы определённым антиинфляционным мероприятием, а с другой – позволило бы снизить управленческие издержки для предприятий, поскольку расчёты по НДС очень трудоёмки. По некоторым данным, в целом по стране они составляет до 1 млн человеко-лет (!). Здесь огромный резерв для высвобождения рабочей силы, которую можно использовать в решении других производственных задач.

Требуется более тонкой настройки и система сбора природоресурсных налогов. Главное направление здесь – разделение дифференциальной и абсолютной рент, которые сейчас взимаются в рамках единого налога. Это способствовало бы более эффективному использованию бедных и труднодоступных месторождений полезных ископаемых.

Реализация этих и других предложений экономистов и производственников позволила бы облегчить и жизнь предприятий, и администрирование налогов. Но **ещё более важно сделать налоговую систему инструментом экономической политики. Имеется в виду создание режимов налоговой поддержки высокотехнологичных отраслей и полный отказ от каких-либо льгот и преференций предприятиям устаревших технологических укладов. Настоятельно необходима и дифференциация величины и порядка сбора налогов по макрорегионам страны.** Когда так ставится вопрос, то звучит стандартное возражение, что в этом случае разные отрасли и макрорегионы окажутся в неравных условиях. Да, с формальной точки зрения это так. Но ведь при действующих стандартах одни уже находятся в заведомо худших условиях, чем другие: новейшие отрасли – по причине высоких рисков и повышенных затрат на создание самой своей технологической основы, а некоторые макрорегионы – из-за присущих им сложных климатических, транспортных или демографических обстоятельств. Потому и будет способствовать

выравниванию стартовых условий для них нормативно установленное налоговое неравенство. Это диалектика, требующая детальных расчётов и взвешенных подходов. Но решения, какими бы они не были сложными, надо принимать. Иначе не создать нужного векторного поля для движения инвестиций.

Государственное управление: не числом, а умением

Уже на протяжении многих лет под общим лозунгом “Не надо кошмарить бизнес!” в стране пытаются убрать так называемые административные барьеры для предпринимательства. Это действительно важная работа, и много уже сделано. Но несмотря на кажущиеся успехи, проблема по-прежнему остаётся актуальной и острой. Во всяком случае, по мнению всех без исключения предпринимательских объединений и сообществ.

Одной из главных причин этого являются неудачно проведённые в середине 2000-х годов административная и муниципальная реформы. В ходе административной реформы на месте почти каждого федерального министерства возникло по три органа управления: собственно министерство, профильные агентство и служба. А в некоторых случаях число непосредственно подконтрольных министерствам структур стало больше, чем две. Каждая из них создала свои отделения в субъектах Федерации. А там и без того было достаточное количество собственных ведомств региональных властей. В результате число управленческих госструктур в стране возросло многократно. Увеличилось и количество органов местного самоуправления и их служб в ходе муниципальной реформы. В результате за первое десятилетие XXI века численность гражданских государственных и муниципальных служащих выросла в 1,9 раза и достигла рекордных величин за всю тысячелетнюю историю Российского государства.

Количество не могло не перейти в качество. Для бизнеса в данном случае – в отрицательное. Ведь надо же такому числу служб и служащих, чтобы оправдать своё существование, чем-то заниматься: запрашивать, согласовывать, разрешать, проверять, запрещать, требовать отчётности. Сократив их не на 5–10 процентов, как того требует ежегодно президент страны, а обдуманно и радикально, можно существенно снизить административный нажим на предпринимательство.

Начать эту работу необходимо с регионального уровня. Именно здесь наибольшее нагромождение всевозможных структур и средоточие чиновничьей власти: и местной, и центральной. Вот и следовало бы **слить федеральные органы государственной власти регионального уровня с министерствами и ведомствами субъектов Федерации соответствующего профиля, а объединённые и существенно сокращённые новые управленческие структуры перевести в двойное федерально-региональное подчинение.** Конституция Российской Федерации этого не запрещает, да и опыт подобный у нас есть. И не только советский, но уже и недавнего постсоветского времени.

Необходимо пересмотреть и систему построения муниципалитетов. Полная автономность их разных уровней должна быть заменена соподчинённостью поселенческих и районных звеньев. В её рамках возможно такое перераспределение полномочий, которое позволит и ресурсы рациональнее использовать, и численность служащих существенно сократить, и общественное самоуправление сделать более действенным.

Конечно, существенное сокращение числа управленческих структур и многочисленной армии чиновников сыграет свою позитивную роль в улучшении делового климата в стране. Но только одного этого недостаточно. Надо продолжить работу по упрощению самих административных процедур, по организации систем технической, имущественной и финансовой поддержки предпринимательства, по совершенствованию рынка государственных и муниципальных заказов, по ряду других направлений. Это особенно важно для малого и среднего бизнеса, который наиболее чувствителен ко всякого рода препятствиям на пути своего развития.

В то же время представляется, что **среди управленцев и экономистов, да и в широком общественном сознании, сформировались завышенные ожидания относительно роли малого предпринимательства в экономике страны.** В настоящее время его доля в валовом внутреннем продукте России составляет около 20 процентов. Считается, что при создании благоприятного делового климата она может быстро достигнуть 60 процентов. Основанием

для такого суждения служат примеры целого ряда развитых стран. Однако это неверные оценки. На самом деле, малый бизнес в нашей стране развит достаточно хорошо. Он уверенно занял все возможные ниши, где только есть платежеспособный спрос, даже в теневом секторе. Надо заниматься и дальше созданием для него максимально комфортных условий. Но дадут они, все вместе взятые, ещё не более 5–10 процентов прибавки в структуре ВВП. А почему не значительно больше, как в развитых странах? Потому что там малое предпринимательство работает не только на население и домохозяйства, но и на крупный и средний бизнес. Любую более или менее заметную западную или азиатскую компанию можно представить в виде кометы. В её ядре находятся собственные производства, а в шлейфе – тысячи мелких самостоятельных подрядчиков. В результате деградации нашей экономики в России такие компании остались только в топливно-энергетическом, горнодобывающем и химико-металлургическом комплексах. Но эти отрасли не требуют большого числа внешних контрагентов. Вот и **негде приложить усилия малому бизнесу. Отсюда вывод: он тогда будет быстро развиваться, когда в ходе новой индустриализации появятся крупные и средние предприятия в трудоёмких отраслях народного хозяйства. А это напрямую зависит от экономической стратегии и структурной политики государства, которых сейчас в нашей стране, к сожалению, просто нет.**

Уже почти двадцатилетняя постприватизационная история российской экономики не дала никаких доказательств более эффективной работы частных предприятий относительно государственных. Достоверно лишь то, что федеральное правительство самоустранилось от управления предприятиями, имеющими стратегическое значение для страны. Об этом свидетельствует отсутствие всякой системы целеполагания для них и отчётности об их деятельности. Особенно красноречив тот факт, что до недавнего времени в советы директоров подведомственных предприятий представители органов государственной власти вообще не направлялись. Вместо них туда вводились так называемые “независимые директора”, фактически случайные люди, не имеющие нужных знаний и профильного образования. Ну, они и “руководили”, как Бог на душу положит, ни от кого не завися. По сути дела, сегодня мало кто может судить достоверно о том, что происходит внутри крупных государственных компаний. Потому и возникают сомнения в эффективности их работы, потому и создаётся мнение, что необходима их приватизация. Может быть в исключительных случаях и необходима. Но в отношении большинства было бы правильным просто наладить систему управления и использовать их потенциал как раз для прорыва в новые технологии.

* * *

В одной журнальной публикации трудно охватить всю проблематику перестройки сложившегося у нас хозяйственного механизма, прямо ведущего страну к углублению, а не преодолению отсталости. Остались за кадром многие важнейшие вопросы: таможенная политика, конкретные формы поддержки бизнеса и государственно-частного партнёрства, организация работы отраслей бюджетной сферы и целый ряд других.

Но, думаю, и сказанного достаточно для того, чтобы понять, куда нас привели бездумно воспринятые в начале реформ и продолжающие действовать до сих пор идеи Вашингтонского консенсуса. На край пропасти. И если не принять самых срочных, откровенно говоря, радикальных мер для изменения действующей модели и курса, будущее великой России окажется совсем не великим.